

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ. КРАТОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ

ВЕРЕЩАК АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного
(конституционного) права юридического факультета,
Южный федеральный университет,
e-mail: vereshak_an@mail.ru*

В статье рассматриваются место и роль экономической власти в системе разделения властей. Автор предлагает дефиниции специфических кратологических терминов: кратологический субъект, кратологический объект, кратологический агент. Анализируются «денежная» власть, «хозяйственная» власть, «финансовая» власть, «экономическая» власть.

Ключевые слова: *государственная власть; разделение властей; три ветви власти; «денежная» власть; «хозяйственная» власть; «финансовая» власть; «экономическая» власть.*

The place and role of economic power in the separation of powers system are considered in the paper. The author proposes the definitions of specific kratological terms such as kratological subject, kratological object, kratological agent. «Money» power, «practical» power, «financial» power, «economic» power are analyzed.

Keywords: *government; powers separation; three branches of government; “money” power; «practical» power; «financial» power; «economic» power.*

Коды классификатора JEL: *K41.*

Научно-политические исследования, ставящие перед собой задачу объединения в единую систему теоретических построений о формах осуществления государственной власти с учением о соответствующей ей политической организации, получили в мировой научной мысли название теории разделения властей.

В советское время в нашей стране данная теория совершенно не принималась, поскольку в соответствии с воззрениями советской правовой науки «... вся власть в государстве принадлежит многонациональному советскому народу и ее разделение на отдельные ветви нецелесообразно»¹; и кроме того, под экономической системой в этот период понималось народное хозяйство как конкретная совокупность отраслей, а также соответствующих механизмов (Черковец 1982, 120), т.е. не юридическая, а экономическая категория.

После принятия Конституции РФ 1993 г. отношение отечественной науки к самой теории разделения властей и ее отдельным положениям существенно изменилось, но в силу известной скоротечности исторических событий в то время

¹ См.: Конституция СССР. Научно-политический комментарий. М.: Политиздат, 1982. 33

само закрепление этой теории в Конституции РФ было осуществлено в ее классическом варианте, опробованном в различных странах мира (*Энтин 1982*) и, соответственно, без учета специфики постсоциалистической экономической действительности России.

В современной отечественной науке высказывались сомнения относительно действенности данной системы разделения властей. Например, Проблемный комментарий Конституции РФ отмечает, что: «конституционный механизм организации и функционирования власти в России вообще имеет мало общего с разделением властей»², приводя в качестве примера несовпадения интересов отдельных ветвей государственной власти в статьях 4, 5 и 6 Конституции РФ; а отдельные исследователи этой проблемы приходят к выводу о том, что слаженная работа российской системы взаимодействия властей «постоянно подвергается негативному воздействию стихийности экономического развития»³ российской экономики, в соответствие с чем возникает потребность восполнения пробелов конституционного законодательства (*Бондарева 2001, 12*) как на уровне субъектов РФ, так и на уровне федерации.

Г.А. Тосунян и А.Ю. Викулов, авторы монографии «Деньги и власть», идут еще дальше и предрекают появление еще одной ветви власти — денежной, наличие которой уже является «...неотъемлемой чертой современной теории и практики государственного строительства» (*Тосунян и Викулов 1998, 44*).

Не подвергая в принципе сомнению права авторов на подобную постановку вопроса, тем не менее хотелось бы приблизиться к пониманию смыслового наполнения термина «четвертая власть» применительно к теме так называемой денежной власти. Сами авторы обосновывают свою позицию тем, что органом осуществляющим денежную власть в России, является Центральный Банк РФ, который «не входит в систему федеральных органов государственной власти и осуществляет свои функции независимо от них» (*Тосунян и Викулов 1998, 30*), хотя в другом месте исследования авторы приходят к выводу о наличии в системе государственной власти особого органа и даже системы органов, призванных «осуществлять данный вид государственного управления» (*Тосунян и Викулов 1998, 84*). Таким образом оказывается, что функция «денежного управления» все-таки не самостоятельная по отношению к трем основным ветвям власти, а служебная, относящаяся в основном к исполнительной ветви власти. В принципе, отсутствие конкретного регулятора чисто экономических отношений не может считаться серьезным недостатком функционирования государственной власти в стране при наличии уже имеющихся элементов конституционно-правового регулирования таких отношений. Но на практике отсутствие в тексте Конституции экономических разделов или глав значительно затрудняет реализацию конституционных положений, находящихся свое закрепление в других частях Конституции, например, степень и пределы государственного участия в экономической деятельности государства, в рамках которой исключительной прерогативой государственной власти остается за-

² См.: Конституция РФ. Проблемный комментарий. М. 1997. 90, 92.

³ Там же.

конодательное закрепление определенных моделей поведения хозяйствующих субъектов и обеспечение защиты от незаконных посягательств на их права и интересы.

Кроме «денежной» власти встречается также упоминание о «хозяйственной» власти — властных отношениях в производственной сфере; «финансовой» власти — совокупности правовых норм, определяющих общественные отношения в сфере денежно-кредитного регулирования; «экономической» власти — деятельности по организации рыночных отношений и др. (Халипов 1997). В.Е. Чиркин, например выделяет также партийную, избирательную, контрольную и иные ветви власти, и даже такие экзотические, как например экзаменационная власть в Китае XIX в. (Чиркин 2002, 43), естественным образом присутствующих в конституционной реальности зарубежных стран.

В данном случае необходимо все-таки определиться, идет ли речь об отдельных ветвях власти единой системы властных отношений или о видоизмененных вариантах одной из них.

Ж.Ж. Руссо, Дж. Локк, Ш. Монтескье и другие разработчики идеи разделения властей на начальном этапе исследования вообще не определяли количество властей в рамках единой государственной власти, пользуясь этим термином во вспомогательном смысле — как ветви одного дерева, даже не раскрывая его конкретного содержания.

По мнению современных исследователей этого вопроса (Хабриева и Чиркин, 234) можно выделить несколько специфических признаков, имманентно присущих каждой отдельно взятой ветви государственной власти:

- Наличие специальных органов государства, входящих в единую систему государственных органов.
- Наличие признаков самостоятельности и независимости по отношению к любой другой ветви власти.
- Наличие структурализации — соответствующего места в иерархии государственных органов.

Наличие специальных форм и методов деятельности при формировании отдельных механизмов осуществления государственной власти, ставя таким образом вопрос о характере отдельных ветвей власти и их взаимодействии в рамках работы единого государственного механизма. Так например, в ст. 136 Конституции Венесуэлы 1999 г. выделены три ветви публичной власти: муниципальная, государственная и национальная, которые в свою очередь, подразделяются на пять ветвей: законодательную, исполнительную, судебную, избирательную и гражданскую (Хабриева и Чиркин, 238).

Таким образом, с теоретической точки зрения наличие в единой системе государственной власти «дополнительных» ветвей или «подветвей» вполне допустимо.

Но здесь хотелось бы остановиться на ключевом моменте — самом понятии «власть».

Философский словарь дает следующее определение: власть — это «... способность и возможность осуществлять свою волю на поведение людей с по-

мощью каких-либо средств...»⁴. Развивая это понятие и приспособлявая его к экономической реальности, Ф. Шамхалов дает определение одной из разновидностей единой государственной власти — экономической, как «... способность отдельного человека или заинтересованной группы оказывать воздействие на отдельно взятого человека, группу лиц или общество в целом с тем, чтобы приспособить их поведение к своим личным интересам» (*Шамхалов 2007, 173*), подчеркивая отношения господства и подчинения между субъектами экономической деятельности, направленной на отношения производства, распределения и потребления материальных благ и ресурсов.

Учитывая достаточную редкость подобных аналитических характеристик, с этим определением можно было бы согласиться, помятуя например, что выпущенное в 2009 г. фундаментальное восьмьсотстраничное исследование вопросов собственности в экономических отношениях, вообще обошло вопрос об экономической власти стороной, ограничившись замечанием о способе, роли и значении собственности в экономических отношениях, как «нормативно закреплённой формы справедливости» (*Рыженков и Черноморец 2009, 819*).

Подобная ограниченность, своего рода смысловая «зашоренность» может быть преодолена путем расширения понятийного аппарата и в частности обращена к политологическим терминам таким, как «кратологическое поле», «кратологический объект», «кратологический субъект», «кратологический агент» и другим, имеющим специфическое политико-правовое наполнение, и к которым автор уже обращался в попытках осмысления правовой картины окружающей действительности; причем в данном случае многозначность и повышенная смысловая нагрузка не должны служить препятствием уяснения смысла их использования.

В этом контексте «кратологическое поле» можно определить как соответствующий объем властеотношений, включающих в том числе и систему экономических отношений в публичной и частной сферах, непосредственно относящихся к экономическим основаниям конституционного строя; «кратологическим объектом», соответственно, является экономическая действительность и конституционно-правовое обеспечение нормальной деятельности процесса экономического воспроизводства; а под «кратологическим субъектом» будет пониматься источник и носитель власти, которым в соответствии со статьей 3 Конституции РФ является многонациональный народ России.

В процессе реализации властной деятельности субъект власти может самостоятельно реализовывать присущие ему властные функции и/или поручить их выполнение специально создаваемым органам и структурам, например, в соответствии со статьей 103 Конституции РФ Центральный банк в рамках формирования специальной «финансовой» ветви власти является своего рода «кратологическим агентом» — структурой, выполняющей специфические оперативно-властные функции в рамках единого кратологического поля.

⁴ См.: Энциклопедический философский словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 92

Г.А. Гаджиев приводит пример политики формирования такого кратологического пространства в рамках идеи «гражданского кодекса — как экономической конституции», отвергнутой Конституционным Судом РФ (Гаджиев 2009, 215) с формулировкой о том, что подобные амбиции могут дестабилизировать нормальное функционирование правовой системы, особенно в период переживаемого экономического кризиса, в сфере экономических отношений.

Таким образом, используя возможности данного понятийного аппарата, можно прийти к следующим выводам:

- *во-первых*, сама идея функционального разделения властей на три ветви при условии сохранения идеи единой государственной власти не подвергается сомнению в силу ее стабилизирующей роли в организации власти в пределах конституционного пространства;
- *во-вторых*, «отпочковывающиеся» время от времени отдельные виды власти, своего рода «второго» уровня такие, как уже упоминающиеся — финансовая, хозяйственная, экономическая и другие — по сути своей являются «служебным» элементом одной из ветвей власти, в частности исполнительной, и собственно властным потенциалом практически не обладают, «занимая» его у самой исполнительной власти, реализуя именно ее кратологические возможности в конкретных исторических ситуациях и политико-юридических условиях;
- *в-третьих*, сама экономическая власть, как и хозяйственная, финансовая и др., занимает свойственную именно ей «кратологическую нишу» не как отдельная, не входящая во властную триаду юридическая реальность, а лишь как специфический институт, своего рода правовой эмфемизм властной потенции исполнительной власти, проявляемой за пределами правового поля, но в рамках конституционного пространства, например в части охраны видов собственности (являющейся реакцией на ранее привилегированное положение государственной собственности) или закрепления конституционно-правового содержания экономического строя России — статьи 7, 8, 9 Конституции РФ.

Обобщая, можно прийти к выводу о том, что экономическая власть, как и хозяйственная, финансовая и другие, есть специфическая способность многонационального народа России — кратологического субъекта — к формированию в рамках единого конституционного пространства — кратологического объекта — следующих элементов:

- Экономических основ конституционного строя — статьи 7, 8, 9 Конституции РФ.
- Гарантии реализации экономических основ конституционного строя — статьи 74, 75 Конституции РФ.
- Экономических прав и свобод человека и гражданина — статьи 29, 34, 35, 36, 37, 44 Конституции РФ.
- Участия государства в регулировании экономического пространства — статьи 71, 72 Конституции РФ.

ЛИТЕРАТУРА

Конституция СССР. Научно-политический комментарий. М.: Политиздат, 1982.

Конституция РФ. Проблемный комментарий. М.: Московская академия экономики и права, 1997.

Бондарева Е.М. (2001). Правовое регулирование основ экономических отношений на уровне субъектов РФ / Автореферат на соискание степени кандидата юридических наук. Ростов н/Д.

Гаджиев Г.А. (2009). Очерки конституционной экономики. М.: Юстицинформ.

Рыженков А.Я. и Черноморец А.Е. (2009). Теории права собственности. Историко-аналитический очерк. Элиста: Джангар.

Тосунян Г.А. и Викулов А.Ю. (1998). Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. М.: Дело.

Хабриева Т.Я. и Чиркин В.С. Теория современной конституции. М.: Норма.

Халипов В.Ф. (1997). Власть. Кратологический словарь. М.: Республика.

Черковец В.Н. (1982). Социализм, как экономическая система. М.: Экономика.

Чиркин В.Е. (2002). Сравнительное государственное право: учебное пособие. М.: Манускрипт.

Шамхалов Ф. (2007). Собственность и власть. М.: Экономика.

Энтин Л.М. (1982). Разделение властей: опыт современных государств. М.: Юридическая литература.

Энциклопедический философский словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989.